

ТРУДЫ И ДНИ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕЙКИНА

У писателя Иеронима Иеронимовича Ясинского есть такие воспоминания:

«Однажды в конце семидесятых годов я зашел в магазин готового платья в Гостином дворе. Приказчик стал бросать на прилавок пиджаки, чтобы я выбрал.

— Тут мокро, — сказал я, — вы испачкаете товар.

— Не очень мокро-с, — отвечал приказчик с улыбкой, — сладкий кружочек от стакана чая. Это господин Лейкин изволили пить чай, так мы из уважения к их посещению не стираем. Уже обсохло! — И он провел рукой по кружку.

— Почему же такое уважение к Лейкину? А я, правду сказать, не читал еще этого писателя.

— Как можно; вы извольте прочитайте, очень смешно и убедительно пишет... Прогрессивный писатель, на калямбурном амплуа собаку съели, первоклассный сатирик, смело можно аттестовать.

— Помилуйте, вроде Щедрина?

— Не слыхали-с; с нас господина Лейкина достаточно. Каждый день читаем только господина Лейкина».

В конце XIX века популярность Лейкина была колоссальной. Его читали все грамотные люди, и в том числе те, кто обычно читает мало или вовсе ничего не читает: купцы и купеческие приказчики, мелкие канцелярские служащие, провинциальные актеры, полицейские надзиратели, горничные, фабричные, деревенские грамотеи — все, кто желал приятно провести время. Сборник рассказов Лейкина

можно было увидеть на журнальном столике в приемной врача, в читальне дворянского клуба, на даче под Петербургом, на полке в общественной библиотеке, на прилавке любого книжного магазина и на стойке железнодорожно-го киоска. Секрет успеха был прост: Лейкин правдиво, со всеми бытовыми подробностями описывал читателю его самого, его семью и соседей. В качестве персонажей в его коротких рассказах выступали те самые «господа обыватели», которые покупали его книги, а изображенные ситуации всегда были им до боли знакомы. Он запечатлел настолько всеобъемлющую картину 1880–1890-х годов, что Александр Блок назвал это время «эпохой Александра III и писателя Лейкина».

Такой подход к литературе как к зеркалу обычной жизни — бытописание — требовал немало жизненного опыта, и у Лейкина он был.

Николай Александрович — коренной петербуржец, гордившийся тем, что в городе на Неве родился не только он сам (7 декабря 1841 года), но и его отец и даже дед, и только прадед был «из ораниенбаумских купцов». В столице писатель прожил всю жизнь, здесь выходили журналы и газеты, в которых он сотрудничал, здесь протекала его многогранная общественная деятельность, здесь он скончался 6 января 1906 года на 65-м году жизни.

По рождению Лейкин принадлежал к старинному купеческому роду, внесенному в книги петербургской купеческой управы еще в 1784 году. «Прадед мой был пирожного торгова, дед — галантерейного торгова... имел лавку в Гостином дворе и сильно пострадал во время наводнения 1824 года», — вспоминал писатель. Купечество в XIX веке делили на «полированное» и «неполированное» — то есть получившее некоторое образование или обходившееся без него. И предки Лейкина, и он сам были, безусловно, купцами «полированными»: дед писателя, по воспоминаниям внука, был человек «прилично грамотный, носил фрак, служил по выбору в сиротском суде и состоял даже членом Немецкого клуба, куда ходил очень часто играть в карты».

Отец, Александр Иванович, унаследовав на паях с братьями лавку в Гостином дворе, вскоре разорился и поступил приказчиком в иностранную торговую фирму Герике. Служащие таких фирм считались в купеческой среде аристократами.

Жили Лейкины на Владимирской улице (ныне одноименный проспект), недалеко от церкви Владимирской иконы Божьей Матери, прихожанами которой они были; подростком Николай пел там на клиросе. В 1840-е годы этот район еще не был застроен многоэтажными домами, тут встречались огороды, пруды и березовые рощи. Небогатая семья долгие годы не могла себе позволить снять дачу, и летом выезжали «на природу» — на Крестовский остров или в Екатерингоф. Журналов и газет купечество не выписывало, и первая встреча Коли Лейкина с литературой произошла в театре: на Рождество смотрели мелодраму Виктора Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока». «Пьеса произвела на меня такое впечатление, — вспоминал писатель, — что я не спал ночь, бредил, крича о пожаре, а наутро сейчас же сам стал устраивать в детской сцену». Он сам отмечал у себя особое качество: желание подражать всему «артистическому» — актерам, циркачам, фокусникам. Наверное, это свойство и пробудило у него интерес к литературе, хотя книг в доме не было. Впрочем, иногда по вечерам отец и дядя читали вслух «Евгения Онегина», «Горе от ума» и «Мертвые души» — по рукописным копиям, потому что «печатные экземпляры были тогда очень редки».

Читать Лейкин научился восьми лет; первым текстом, который он прочел, была вывеска купеческой лавки на соседней Колокольной улице. Первоначальное образование получал дома: Николая и его братьев и сестер учила мать, женщина строгая и богомольная, происходившая из крепостных крестьян (некоторые эпизоды ее судьбы он опишет в повести «Две неволи»). Чтобы поощрить старшего сына к учению, она пообещала ему в случае хороших успехов купить то, о чем ребенок страстно мечтал, — «картон-

ный театр с опускающимися и поднимающимися декорациями и актерами на подставках». Был и другой стимул: ленивых и непослушных детей в семье нещадно пороли.

Систематическое образование будущий писатель начал получать с девяти лет в пансионе супругов Беляевых, располагавшемся на той же Владимирской улице. Там учили всем предметам начальной школы, а также языкам — немецкому и французскому. На этом образовании должно было закончиться: дальше путь купеческого сына обычно лежал в Коммерческое училище, но семья Лейкиных не могла это себе позволить. Однако отец и дядя, служившие в иностранных фирмах, все же решили, что Николай должен продолжить учебу. Главным в образовании они считали знание иностранных языков: «Отец очень часто говорил, что товарищ его бухгалтер, знающий по-немецки и по-французски, получает вдвое больше его, а работы у него менее». Старшего сына Лейкин-старший отдал в немецкое Реформатское училище, находившееся на Мойке, напротив здания Главного штаба. Плата в этом учреждении была посильной — 60 рублей в год, а обучение шло на немецком языке, за исключением Закона Божия и российской истории. Поначалу Николаю, почти не знавшему языка, да к тому же сильно заикавшемуся, приходилось нелегко. Суровые порядки — зубрежку и регулярные экзакуции — Лейкин впоследствии описал в очерке «Учебный день в немецкой школе». Русский язык преподавали из рук вон плохо, а на уроках литературы не рассказывали даже о Пушкине, Грибоедове и Гоголе. Однако, после того как сурового немца-инспектора сменил либеральный француз Давид Марго, «повеяло новым духом, свежим воздухом» и обучение пошло на лад. Учеников начали знакомить с литературой последних десятилетий. Под руководством Марго Лейкин быстро освоил французский. Помимо двух основных языков, он занимался также английским и латинским за особую плату. Для домашних спектаклей в доме Марго Лейкин впервые попробовал себя в качестве писателя — написал «какую-то пьесу на немецком языке».

Впрочем, настоящим увлечением юного Лейкина была не литература, а зоология, и в особенности энтомология. Летом на даче, которую семья стала снимать сперва на Карповке, а потом в Лесном, Николай с интересом занялся собиранием бабочек — научился их «расправлять, сохранять, определять», выучил названия на русском, немецком и латинском языках — и превратился в настоящего энтомолога и коллекционера.

Несмотря на слабые успехи в естественных науках и, как ни странно, в русском языке, училище Лейкин окончил благополучно: в 1859 году он был выпущен с правом поступления на государственную службу на первый классный чин. Однако в семейные планы департаментская служба Николая не входила. В жизни Лейкиных к тому времени произошли существенные изменения. Глава семейства был уволен из иностранной фирмы, где прослужил много лет. Это изгнание пошло ему на пользу: он сумел открыть собственную мелкооптовую торговлю в Гостином дворе и даже разбогател (как потом оказалось, ненадолго). Гордость за сына — выпускника Реформатского училища — совмещалась у Александра Ивановича с практическими планами: «Теперь у меня свой немец и француз. Корреспонденцию с иностранными домами будет уж он вести».

Николая отдали «в торговую науку» — конторщиком в отцовскую лавку-склад на верхней галерее Гостиного двора. Здесь будущий писатель обнаружил, что семейное дело запущено и находится в глубоком застое. Торговля не шла, делать в конторе было по большей части нечего, и, чтобы занять время, Николай пристрастился к чтению. Его коллега-приказчик по фамилии Поляков оказался страстным любителем литературы, собравшим целую библиотеку беллетристики. «Поляков посадил меня на романы Дюма-отца и Евгения Сю», — вспоминал Лейкин. Постепенно от популярной литературы юноша перешел к серьезным, «толстым» журналам, полюбил посещать книжные лавки, познакомился с библиофилами и знатоками

отечественной литературы, а там и с писателями. Его близким другом стал неудачливый купец-суконщик из соседнего Апраксина двора и в то же время начинающий поэт Алексей Федорович Иванов, прозванный Классиком за пристрастие к русской литературе. Возвращаясь после службы из Гостиного двора на Владимирскую улицу, Лейкин проходил по Чернышеву переулку (ныне ул. Ломоносова) и подолгу задерживался в лавке Иванова, где собирались литераторы: актер Александринского театра, поэт и драматург Гавриил Жулёв, поэт Николай Кроль, начинающий прозаик Василий Немирович-Данченко. Вся эта молодежь «много читала, увлекалась литературой, следила за ней, поклонялась Некрасову, Салтыкову, зачитывалась Добролюбовым и Чернышевским».

«Знакомство мое с Ивановым подвинуло меня на писательство. Много читая, я и сам попробовал писать». Начал Лейкин со стихов, подражая поэтам некрасовской школы (их называли поэтами «гражданской скорби»), но его сочинений никто не хотел печатать. После долгих мытарств 13 апреля 1860 года Лейкину все-таки удалось напечатать в журнале «Русский мир» стихотворение «Кольцо». Он был безмерно счастлив, хотя его восторгов почти никто не разделял, а написанные следом стихи снова никто не хотел брать. «Кольцо» так и осталось единственным опубликованным поэтическим произведением Лейкина. Неунывающий автор взялся за прозу, подражая популярному в те годы Евгению Гребенке (которого, в свою очередь, многие считали эпигоном Гоголя). Однако вскоре эти опыты пришлось бросить: семью постигло разорение. Отец не смог расплатиться с кредиторами, полиция наложила печати на лавку, выпроводив оттуда «читателей» — Полякова и Лейкина-младшего, а также на все домашнее имущество семейства несостоятельного должника. Пришлось идти «в люди»: Николай устроился приказчиком все в том же Гостином дворе — в оптовую галантерейную лавку швейцарца Франца Боненблуста, на первое время без жалованья, по распространенному в те годы у купцов прин-

ципу «чего стоить будет — там увидим». На новом месте дел оказалось тоже не слишком много, и Лейкин продолжил заниматься чтением, всякий раз пряча книгу при приближении хозяина.

По вечерам он писал очерки «Апраксинцы» — из жизни купеческих приказчиков, с которыми служил бок о бок. Это произведение автор сочинял долго, два года, многократно переделывая; сами приказчики, узнав, что Коля «пописывает», приходили рассказывать ему о своем житье-бытье. Дебютное произведение Лейкина-прозаика ставило целью показать, «в каком рабском состоянии находились тогда лавочные приказчики у своих хозяев». Крепостное право было уже отменено, но в повседневной жизни оно продолжало сохраняться: владельцы торговых фирм не заключали никаких письменных договоров со своими служащими; платили приказчикам столько, сколько посчитает нужным хозяин; жили они тут же, в складских помещениях; жениться им не разрешалось; деньги на руки не выдавались, а только записывались в особую книгу; не позволялось иметь даже карманных денег — всякий раз мелочь приходилось выпрашивать у хозяина; при увольнении могли вообще ничего не заплатить; в лавке полагалось находиться ежедневно с раннего утра до позднего вечера, а отворялась эта тюрьма только «в первый день Пасхи и в первый день Рождества да до обеда в Троицу и в Новый год». Самая выразительная сцена лейкиных очерков — загул, в который пускаются на Рождество вырвавшиеся на свободу, единственный раз в году, приказчики.

Еще до выхода «Апраксинцев» (в 1863 году) Лейкин постепенно втянулся в журнальную работу: стал регулярно публиковать рассказы в маленьких журнальчиках, обычно недолговечных и не плативших никакого гонорара. О более серьезных изданиях он и не мечтал: «Толстых журналов я боялся. Попасть в них тогда сотрудником казалось мне недостижимым...» Осуществляя детскую мечту о театре, он начал в эти годы играть в любительских спектаклях. Впоследствии Николай Александрович часто вы-

ступал на любительских сценах в петербургских клубах; неизменный успех он имел в ролях купцов. Попытки соперничать с Островским — написать серьезную драму из купеческого быта — оказывались неудачными, зато неоднократно ставились в Александринском и других театрах его шуточные одноактные пьесы.

В это же время Лейкин сблизился с сотрудниками иллюстрированного сатирического журнала «Искра»: братьями-поэтами Василием и Николаем Курочкиными, карикатуристом Николаем Степановым, фельетонистом Михаилом Стопановским и другими. Этот демократический по своему направлению журнал был чрезвычайно популярен: по свидетельству Лейкина, его читали и друзья, и враги. Небольшие рассказы Лейкина начинают появляться и в чисто юмористических изданиях — журналах «Заноза» и «Будильник».

«Апраксинцы», опубликованные в «толстом» журнале «Библиотека для чтения» (им руководил в те годы П. Д. Боборыкин), имели двойственный эффект. С одной стороны, Лейкину не давали проходу узнававшие себя купцы: «Клеветой на своего брата торговца стали заниматься? Ловко! Зачем же тогда вы по торговле служите, если свое сословие мараете?» — слышал он постоянно. Хозяин — швейцарец Боненблюст — предложил Николаю поискать другое место для службы. С другой стороны, Лейкина заметили в «большой» литературе: сначала появилось несколько благожелательных рецензий, а в начале 1864 года в дверь квартиры Лейкиных позвонил «высокий господин в шубе и шляпе, с черными небольшими бакенбардами». Он представился: «Я — Салтыков... писатель Салтыков... Щедрин... Приехал от Некрасова переговорить с вами».

Лейкина пригласили в «Современник»! «Помню, что на глазах моих были слезы радости. Они мешали мне говорить», — вспоминал писатель.

В «Современнике» был напечатан второй большой лейкинский текст — «Биржевые артельщики», повесть из жизни портовых грузчиков Петербургского порта (распо-

лагавшегося в те годы на Васильевском острове). Артельщики пользовались славой надежных работников: «В Питере этому званию, от биржевых артельщиков, усвоено особое значение доверенного и ответственного служащего», — писал в своем «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даль. Эти работники — крестьяне, подавшиеся в город на заработки, — собирались в добровольные объединения-артели, представлявшие собой своего рода самоорганизованные ячейки, построенные на принципах социализма: здесь справедливо распределяли доходы, предоставляли социальную защиту и решали важные вопросы «миром», то есть демократическим путем. Такое перенесение законов русской крестьянской общины в город в те годы многим казалось очень важным залогом будущего особого русского пути. Впрочем, Лейкин был больше внимательным наблюдателем, чем социологом, и в этой повести не столько анализировал перспективные стороны общинного социализма, сколько рассказывал драматичную историю любви.

«Артельщиков» одобрил Н. А. Некрасов: «У вас хорошо выходит: вы знаете тот быт, из которого пишете». Однако была у редактора «Современника» и претензия к Лейкину: «У вас добродушно все выходит. А вы, батенька, злобы, злобы побольше... Теперь время такое. Злобы побольше». Этому совету Лейкин не последовал: добродушный юмор всегда был ему ближе, чем острая сатира, хотя в его ранних текстах встречаются даже трагические сюжеты.

С 1872 года Николай Александрович начал постоянно работать в «Петербургской газете», владельцем которой незадолго до этого стал бывший гусарский офицер и известный в Петербурге балетоман Сергей Николаевич Худеков. Новый хозяин подобрал талантливых сотрудников, и вскоре прозябавшее до тех пор издание набрало популярность (в дальнейшем Худеков станет миллионером и создателем знаменитого Сочинского дендрария). Многие считали, что именно Лейкин сделал «Петербургскую

газету» любимейшим чтением широкой публики; его сотрудничество с ней продолжалось без перерыва в течение 33 лет. В середине 1880-х годов именно он привел в это издание Чехова, опубликовавшего там около 40 рассказов. Сам Лейкин печатался практически в каждом номере газеты, выходявшей сначала четыре, потом пять раз в неделю, а с 1882 года — ежедневно. Это повлекло за собой изменения в его манере письма: вместо сравнительно длинных очерков он стал писать маленькие «летучие заметки», имевшие ярко выраженный юмористический характер. Впрочем, и сам писатель, и многие его читатели полагали, что он вовсе не окарикатуривает действительность, а «списывает с натуры».

В 1881 году Лейкин приобрел (на паях с типографом Р. Р. Голике) еженедельный петербургский журнал «Осколки», который и редактировал до конца жизни, печатаясь в каждом номере. Поначалу писателю хотелось возродить традиции сатирической «Искры», но времена, наступившие после убийства царя, были неблагоприятны для социальной сатиры. Приходилось ограничиваться беззлобным юмором. Тем не менее на протяжении всех 25 лет редактирования «Осколков» Лейкин непрерывно боролся с цензурой. Цензурным вопросам посвящено большинство писем из его хорошо сохранившейся переписки с сотрудниками. Лейкин обычно сообщал об очередном «погроме» со стороны цензуры: «Сегодня, — сообщал он в одном из писем А. П. Чехову в 1885 году, — на „Осколки“ обрушился сильный цензурский погром. Погиб большой мой рассказ из раскольнического быта, где выставлен тип старика-беспоповца — начетчика, погибли два стихотворения Трефолева, половина стихотворения Пальмина, пол-обозрения петербургской жизни Билибина и несколько строк из Ваших последних мелочишек. Словно Мамай прошел!» Дело доходило до того, что в редакцию поступало несколько вариантов одного произведения, рассчитанных на разную степень цензурского рвения. Так, поэт Лиодор Пальмин, присылая в «Осколки» очередное стихотворение, пи-

сал: «Во второй строке с начала вместо слов: „И дутой славою“, если бы тут нашли намек на недавно умершего Скобелева, можно сказать: „И громкой славою“». В другом письме он же выражал опасения: «Относительно цензуры я боюсь за строку „Под игом сумрачного гнета...“ Если что окажется нецензурным, то как-нибудь переделайте. Например: „Где мрака, зла и лжи работа“». Лейкин не только следовал этим советам, но часто и по собственной инициативе переделывал потенциально «непроходимые» строчки.

Издателю подцензурного еженедельника нельзя было рисковать, и поэтому идею новой «Искры» пришлось оставить. Постепенно лейкинский журнал превращался во вполне благодушное буржуазное издание: без конца варьировал тему невежества «неполированного» купечества, писал о подвигах безудержных купеческих сынков («саврасов без узды», как называл их Лейкин), представлял сценки, связанные с календарными праздниками, и водевильные сцены из дачного быта, смеялся над мужьями-подкаблучниками и склочными тещами. Такая редакционная политика в эпоху реакции давала свои плоды: тиражи и подписка «Осколков» росли как на дрожжах, а Лейкин становился успешным литературным предпринимателем.

Писал он непрерывно, не зная ни отдыха, ни кризисов, ни «мук слова». Накопившиеся рассказы собирал в сборники, давая им выразительные названия: «Наши забавники» (1879), «Саврасы без узды» (1880), «Медные лбы» (1880), «Гуси лапчатые» (1881), «Теплые ребята» (1882), «Караси и щуки» (1883) и мн. др.

Хотя сам Николай Александрович именовал себя «маленьким Щедриным», читающая публика воспринимала его скорее как «маленького Островского». Лейкинскими героями чаще всего становились купцы, их приказчики и домочадцы. Но это не значило, что он специализировался только на одной общественной группе. Наследие Лейкина ценно тем, что он создал широчайшую галерею портретов и жанровых сцен, — галерею, о которой можно смело сказать, что она охватила всю Россию. Вот названия только

нескольких десятков (из десяти тысяч!) лейкиных рассказов. Тут и профессии, и социальные типы: «Извозчик», «Швейцар», «Маркер», «Прачка-поденщица», «Парикмахерский подмастерье», «Горничная», «Торговый мальчик», «Лихач», «Водогрейщик», «Доктор, каких купцы любят», «Доктор, каких любят тонные дамы», «Доктор для тех, которые с жиру бесятся», «Бездомники», «Угловые», «Папертные», «Кладбищенские», «Мамка-кормилица», «Кухарки и горничные», «Купчиха и кучер» и т. д. Различным увлечениям петербуржцев был посвящен сборник, называвшийся «Мученики охоты»; среди этих добровольных мучеников — «Голубятник», «Собачник», «Рысачник», «Птицелов», «Собираатель насекомых», «Актер-любитель», «Певчий-любитель», «Поэт», «Балетоман», «Библиоман», «Нумизмат», «Собираатель табакерок и тростей», «Покровитель животным», «Спирит» и т. д. Не было ни одного места в старом Петербурге, которое не запечатлел бы Лейкин: действие его рассказов происходит «В Летнем саду», «На Царицыном лугу», «В Михайловском сквере», «Около Егерских казарм», «На невском пароходе», «У Биржи», «В Екатерингофе», «На Крестовском», он описал все дачные пригороды: «Лесной», «Черная речка», «Новая деревня», «Парголово», «Коломяги», «Карповка», «От Петербурга до Колпина» и т. д. Точно так же охвачен лейкинскими рассказами весь календарь, с праздниками и обычаями: «В Сочельник», «Новый год», «На Святках», «Прощеное воскресенье», «Вербное гулянье», «Канун Пасхи», «Первый день Пасхи», «Радоница», «В день Преполовения» — и так далее до нового Рождества (рождественские рассказы составили впоследствии целый сборник). Большинство этих текстов — всего лишь характерные «зарисовки с натуры», но Лейкин никогда не чуждался и остросоциальных тем: у него есть книги, посвященные поденщицам («На заработках. Роман из жизни чернорабочих женщин», 1902); нищим и беднякам («Голь пережатая», 1903), в последний год своей жизни, совпавший с первым годом революции, Лейкин описал «стачечников» и «забастовщиков».

Широта охвата материала свидетельствует о том, что Лейкин был лучшим представителем той «экстенсивной» русской литературы, о которой очень точно написал в свое время Б. М. Эйхенбаум: «Рядом с литературой, исключительно сосредоточенной на острых вопросах социально-политической борьбы, существовала и другая литература, развивавшаяся вне узкого круга интеллигентских традиций. (...) Она ничего явно не проповедовала, ничему прямо не учила, а только подробно и ярко рассказывала о русской жизни — о людях всяких сословий и профессий, занятых своими бытовыми делами».

За годы работы сложилась и определенная поэтика лейкинского рассказа, который стали именовать «сценкой», поскольку его прозаические сочинения действительно напоминали драматические — одноактные пьесы. Сценка состояла из ряда кратких «ремарок», которые обозначали место и время действия и давали сжатые характеристики действующих лиц, и из сравнительно пространныго, занимавшего большую часть текста характерно-комического диалога. Такой диалог можно было оборвать на любом месте, и одной из примет лейкинских сенок стал недописанный, как бы повисающий в воздухе «открытый финал» — эту черту подхватит и разовьет в дальнейшем Чехов. Краткость («сестра таланта») и открытые финалы — черты, которые принято считать новаторским вкладом Чехова в мировую литературу. Однако на самом деле их можно с полным правом назвать фирменными приемами Лейкина.

Многие произведения Лейкина («Стукин и Хрустальников», «Странствующая группа», «Не в масть» и др.) написаны как монтаж отдельных «сенок», связанных между собой единством центральных действующих лиц и местом действия.

По этому принципу написан и самый знаменитый лейкинский цикл — «Наши за границей» (1890), история путешествия петербургской купеческой четы Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Германии

и Франции. «Наши за границей» были написаны Лейкиным после собственных поездок за рубеж в конце 1880-х годов. Посещение парижской Всемирной выставки 1889 года (в качестве входной арки на эту выставку была построена Эйфелева башня) и наблюдения за мытарствами «безъязыких» русских туристов в Европе подсказали писателю сюжет, который сам по себе порождал великое множество комических ситуаций. Разумеется, Лейкин, получивший «немецкое воспитание» и говоривший по-немецки и по-французски так же, как по-русски, дистанцируется от своих героев, которые знают только «комнатные» и «хмельные» иностранные слова и на каждом шагу испытывают, как мы сегодня сказали бы, культурный шок: дивятся диким для них европейским нравам и обычаям. Однако супруги Ивановы для Николая Александровича — безусловно «наши», свои, родные, и в его подтрунивании не чувствуется превосходства: господствует фирменный лейкинский добродушный юмор и незаурядная наблюдательность. Герои и ситуации оказались настолько узнаваемыми, что «Наши за границей» выдержали до Первой мировой войны 28 изданий — кажется, это рекорд для русской литературы. Развивая успех, Лейкин написал три продолжения: Ивановы отправляются сначала на Ривьеру и в Италию («Где апельсины зреют», 1892; 18 изданий до 1913 г.), затем «через славянские земли в Константинополь» («В гостях у турок», 1897; 10 изданий) и, наконец, через Биарриц в Мадрид («Под южными небесами», 1898; 7 изданий).

Одна из важнейших заслуг Лейкина перед русской литературой — «открытие» им таланта Антона Павловича Чехова и многолетнее сотрудничество с ним. Чехов называл Лейкина своим «крестным батюшкой» и охотно признавал, что учился писать короткие рассказы на лейкинских образцах.

Началось все в октябре 1882 года, когда Лейкин приехал в Москву с определенной целью — найти новых сотрудников для «Осколков». Впоследствии он вспоминал: «Когда я проезжал с покойным Пальминым по Тверской,

он указал мне на молодого длинноволосого человека и сказал: „Вот даровитый начинающий человек идет — фамилия его Чехов“. Я узнал адрес Чехова, поехал к нему знакомиться и пригласил писать в „Осколки“. Уже через неделю Чехов прислал в журнал первый рассказ (эту юмореску, «Речь и ремешок», не пропустила цензура). В первые годы начинающему, но уже немало пострадавшему от нравов московских издателей писателю, выступавшему под псевдонимом Антоша Чехонте, нравились и условия, предложенные Лейкиным (целых восемь, а потом и десять копеек за строчку; в Москве платили по пять), и сам журнал: он называл его «лучшим из юмористических журналов, в коих работаю». Именно в «Осколках» были напечатаны шедевры чеховской юмористики: «Торжество победителя», «Дочь Альбиона», «Толстый и тонкий», «Орден», «Жалобная книга», «Хирургия», «Хамелеон», «Свадьба с генералом» и многие другие. Всего Антоша Чехонте (он же Брат моего брата, Человек без селезенки, Рувер и др.) напечатал в «Осколках» больше сотни рассказов. Все они публиковались бок о бок с лейкинскими, и между двумя юмористами шло своего рода соревнование. Чехов выступал с позиций ученика, соревнующегося с учителем (еще в Таганроге, гимназистом, он был «усерднейшим читателем» лейкинских юморесок). Как и Лейкин, он не ограничивался какой-то социальной группой персонажей, а давал широкую панораму русской жизни — представлял «целую армию» героев, как он сам скажет впоследствии. Точно так же, как у Лейкина, ранние чеховские рассказы следуют календарному циклу и описывают эпизоды из повседневной жизни самых обычных людей. Если Лейкин изображал по преимуществу Петербург, то Чехонте предпочитал родную для него Москву, но при этом многие места действия оказывались «аналогами» петербургских (это относилось к местам гуляний, дачным местностям, кафешантанам, трактирам и т. п.). Чехонте, как и Лейкин, постоянно придумывал своим героям смешные фамилии. Если у Лейкина действуют купцы Куроглотов, Рублевкин,